

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ КАПИТАЛИЗМА В КОЛОНИИ НЬЮ-ЙОРК НА РУБЕЖЕ XVII—XVIII ВЕКОВ

С. И. Жук

Общепризнанным в советской американистике является факт общей буржуазной направленности развития североамериканских колоний Великобритании¹. Но конкретный анализ генезиса капитализма в отдельных среднеатлантических колониях в отечественной историографии пока отсутствует. В этой связи особенно актуальным представляется социально-экономический анализ развития капитализма в колонии Нью-Йорк, которую некоторые американские историки объявили «образцом» капиталистического прогресса, «предтечей демократизма и политического плюрализма» современных США².

Главной сферой приложения труда и средств в колонии Нью-Йорк было земледелие, значение которого особенно выросло к концу XVII в., когда производство зерна там все более приобретало товарный характер. Поэтому представляется правомерным начать исследование развития буржуазных отношений в этой колонии именно с землевладения. Большинство поселенцев в голландской колонии Новые Нидерланды, предшествовавшей английскому Нью-Йорку, владели землей от Вест-Индской компании, собственника колонии, организовавшей ее заселение. За землю колонисты должны были отдавать компании ежегодно часть своего урожая и приплода скота ($\frac{1}{10}$ собранного зерна, первого и третьего теленка и т. п.)³.

Земельные «держания» в английской колонии Нью-Йорк (а это характерно и для других колоний Великобритании в Северной Америке) предоставлялись, как правило, в форме свободного сокеджа по образцу манора Ист-Гринвич в Кенте или палатината Дарэм. Согласно исследованию М. Харриса, названные виды земельного держания в Англии — самые свободные от феодальных пут, так как графства Кент и Дарэм находились на пересечении торговых путей, и поэтому на их землях получили широкое распространение товарно-денежные отношения. Владельцы

¹ См.: История США: В 4 т./Гл. ред. Г. Н. Севостьянов. М., 1983–1987. Т. 1. С. 65, 70.

² Bonomi P. A Factious People: Politics and Society in Colonial New York. N. Y., 1971. P. 281–282; Ritchie R. The Duke's Province: A Study of New York Politics and Society, 1664–1691. Chapel Hill, 1977. P. 240; Friends and Neighbors. Group Life in America's First Plural Society/Ed. by M. Zuckerman. Philadelphia, 1982. P. 5.

³ New York Historical Manuscripts: Dutch: In 4 vol./Transl. and Annot. by A. Van Laer. Baltimore, 1974. Vol. 1. P. 4–10.

земли в указанных маноре и палатинате освобождались от феодальных обязательств личного рыцарского держания, которые заменялись фиксированной рентой (квит-рентой), представленной в денежной форме. Данные виды земельных держаний являлись наиболее удобными для развития буржуазных отношений в земледелии колоний⁴. Английская система наделения земель в Нью-Йорке во многом напоминала голландскую в Новых Нидерландах; только теперь поселенцы должны были платить квит-ренту за право владения землей новому хозяину колонии — герцогу Йоркскому, а с 1689 г. — королю Англии.

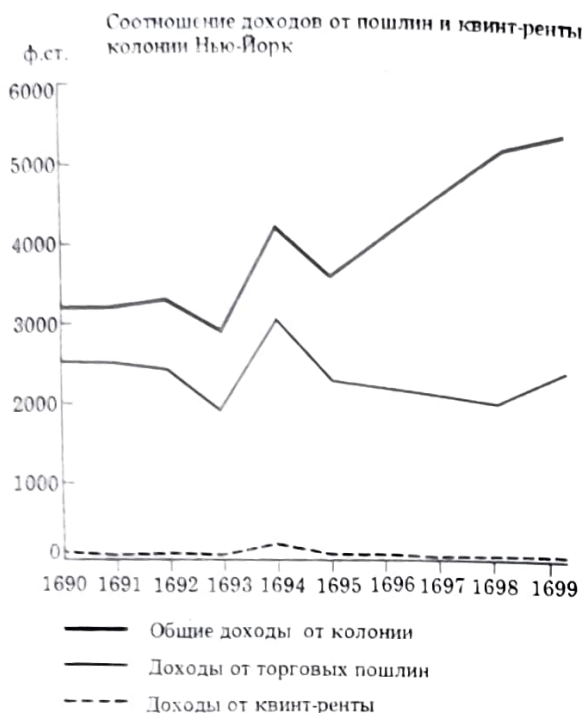
Особенности заселения территории колонии Нью-Йорк проявились в существовании на ее землях различных видов землеустройства. Во-первых, это феодальное по форме, во многих случаях напоминающее капиталистическую аренду, «держание земель» от ее собственника (Вест-Индской компании, «патрона», герцога Йоркского, короля Англии, хозяина манора) с уплатой фиксированной ренты; во-вторых, владение землей «корпорациями», общинами поселенцев (это характерно было прежде всего для Лонг-Айленда, в поселениях которого преобладали переселенцы из Новой Англии, где этот тип землепользования имел место)⁵; в-третьих, индивидуальное скваттерство, не получившее в колонии широкого распространения вплоть до середины XVIII в.

Колониальная администрация вынуждена была считаться с реальным положением в землеустройстве. Так, в 1655 г. «законы герцога» (первый свод законов Нью-Йорка) признали, что все «земли [колонии] ...освобождаются от каких-либо штрафов и привилегий... а прежние покупатели земли должны доказать свои права на землю и получить новые земельные патенты от губернатора... Каждый покупатель [земли] в качестве признания собственности на землю... Яковом герцогом Йоркским должен после печати на земельном патенте заплатить губернатору столько, сколько найдут нужным, не более, чем за каждые 100 акров...». В некоторых статьях этих законов поселениям предоставлялось полное право распоряжаться своими землями, при этом оговаривалось, что распределением земли должны были заниматься общие собрания поселенцев. В статье «О выпасах скота в поселениях» утверждалось, что любой колонист, «который обрабатывает и огорождает участок общинного выпаса в поселении... считается собственником обработанной им земли»⁶.

⁴ Harris M. Origin of Land Tenure System in the United States. Ann Arbor, 1968 (1st print: 1953). P. 37–39. Слезкин Л. Ю. У истоков американской истории: Виргиния. Новый Плимут, 1606–1642. М., 1978. С. 24, 166, 167; Он же. У истоков американской истории: Массачусетс, Мэриленд, 1630–1643. М., 1980. С. 15.

⁵ Куропятник Г. П. Борьба за землю в колониальный период истории США (XVII – начало XVIII в.) // Вопр. истории. 1974. № 8. С. 72–73; Слезкин Л. Ю. У истоков американской истории. Массачусетс, Мэриленд, 1630–1643. С. 215–216; 234–235.

⁶ The Colonial Laws of New York from the Year 1664 to the Revolution.../Ed. by Ch. Lincoln a. o.: In 5 vol. Albany, 1894. Vol. 1. P. 18, 22, 44, 63. (Далее: CL).

В 1683 г. в «Хартии свобод и привилегий», принятой первой ассамблеей колонии Нью-Йорк, повторяются те же положения о свободе колониального землевладения «от штрафов и различных привилегий»; если в «законах герцога» квинт-рента упоминается лишь вскользь, то в «Хартии...» всякое упоминание об этой ренте отсутствует⁷.

По свидетельству первого английского губернатора Нью-Йорка Р. Николса, в 1669 г. существовали два вида квинт-ренты: 1 п. за акр земли, приобретенной у индейцев администрацией герцога Йоркского и арендуемой колонистами, и 2 шилл. 6 п. за каждые 100 акров земли, купленной самими поселенцами у индейцев (самая распространенная рента)⁸. Сбор квинт-ренты происходил крайне медленно, так как чиновники колонии за взятки могли освободить крупных землевладельцев от ее уплаты, а основная масса рядовых колонистов отказывалась платить ренту. К началу XVIII в. ее сбор по всей колонии фактически прекратился. В 1690–1691 гг. из 3200 ф. ст., поступивших в казну от Нью-Йорка, квинт-рента составила всего 21 ф. ст., а в 1699 г. при росте общего дохода от колонии до 5400 ф. ст. доход от квинт-ренты сократился до 10 ф. ст. (рис. 1)^{*}.

На графике видно, что на протяжении десятилетия с 1690 по 1699 г. доходы от торговых пошлин держатся в пределах 2–3 тыс. ф. ст., квинт-рента не превышает 100 ф. ст., а кривая дохо-

⁷ Ibid. P. 114–116.

⁸ The Documentary History of the State of New York/Ed. by E. O'Callaghan: In 4 vol. Albany, 1849: Vol. 1. P. 87. (Далее: DHNY); CL. P. 80.

^{*} Составлено по: DHNY. Vol. 1. P. 701–703.

дов от нее находится в основном на отметке 10–20 ф. ст. и к концу десятилетия падает до 0. В то же время только с 1 млн акров земли Ван Ренсселеров необходимо было собрать (при ренте 2 шилл. 6 п.) не менее 1 тыс. ф. ст. О массовом отказе платить квит-ренту, о прекращении ее сбора в колонии Нью-Йорк сообщалось в Англию в 1732 и 1752 гг.⁹ Даже в 1767 г., когда удалось собрать у крупных землевладельцев самую большую в истории Нью-Йорка квит-ренту, составившую почти 20% всего дохода короны от колонии¹⁰, колониальные власти жаловались на то, что «из-за противодействия землевладельцев трудно собирать квит-ренту... которой очень мало для этой колонии», несмотря на ее обширные земли¹¹.

Некоторые исследователи считают квит-ренту основным свидетельством феодальной зависимости колонистов, при этом подчеркивают усиление этой зависимости в 60-е годы XVIII в.¹² Согласно другому мнению, квит-рента в колониях постепенно превращалась в ренту капиталистическую¹³. Действительно, фиксированная рента как повинность в пользу короны с конца XVII в. становится обычным земельным налогом. Что касается земельной ренты, выплачиваемой арендаторами землевладельцу, то в колонии Нью-Йорк эта рента уже с 1683 г. приобрела капиталистический характер, о чем подробнее будет сказано далее. Следует согласиться с мнением М. Харриса и Л. Ю. Слэзкина о буржуазном содержании рентных отношений в североамериканских колониях. Во всяком случае, документальный материал свидетельствует о том, что квит-рента как феодальный элемент в колониальном землевладении не играла существенной роли в социально-экономическом развитии колонии Нью-Йорк не только на рубеже XVII–XVIII вв., но и накануне войны за независимость, в 60-е годы XVIII в.

Купля земли поселенцами у индейцев осуществлялась только с разрешения губернатора¹⁴. Зачастую это требование нарушалось. Получила широкое распространение целая система подкупа

⁹ В 50-х годах XVIII в. вместо 4 тыс. ф. ст. квит-ренты ежегодно собирали не более 800 ф. ст. См.: *Kammen M. Colonial New York. A History.* N. Y., 1975. P. 308; *DHNY. Vol. 1.* P. 377–389.

¹⁰ После 1767 г. в отчетах колониальной администрации сведения о квит-ренте вообще отсутствуют, а феодальные обязательства держателей земли в колонии в пользу короны уже не называются. См.: *DHNY. Vol. 1.* P. 739–772.

¹¹ *Ibid.* P. 703–705.

¹² *Bond B. The Quit-Rent System in the American Colonies.* New Haven, 1919. P. 242, 278; *Вопр. истории.* 1974. № 8. С. 71; *Куропятник Г. П. Феодальная рента в североамериканских колониях Англии: (К вопросу о предпосылках первой американской буржуазной революции)* // *Американский ежегодник*, 1975. М., 1975. С. 5–16.

¹³ *Harris M. Op. cit.* P. 150, 410; *Слэзкин Л. Ю. У истоков американской истории: Массачусетс, Мэриленд.* С. 326–329.

¹⁴ *CL.* P. 40, 149.

должностных лиц, начиная от клерка и заканчивая губернатором колонии, чтобы узаконить приобретение (а чаще наглый захват) колонистами земли у индейцев. Это привело к небывалой земельной спекуляции¹⁵. Так приобреталась земля не только в отдаленных округах колонии (Датчесс, Орандж), где все земельные участки оказались в руках «индейских торговцев» П. Скайлера, Ф. Ромбута, Г. Бескмена и С. Ван Кортландта, но и на Лонг-Айленде, в центре колонии. В 1680 г. Дж. Льюин, представитель герцога Йоркского в колонии, изучая бумаги губернатора и сборщика налогов Дайера, обнаружил фиктивные земельные патенты на участки на Лонг-Айленде и другие документы, свидетельствующие о спекулятивных сделках представителей администрации¹⁶.

Изучение документов, в которых фиксировались сделки колонистов с индейцами, позволяет сделать вывод о бесстыдном обмане индейцев, не имевших никакого представления о частной собственности на землю (во всех этих документах земельные участки имеют неопределенные границы, что позволяло колонистам произвольно, в ущерб индейцам, трактовать размеры таких участков)¹⁷.

Как свидетельствуют документы английских поселений на Лонг-Айленде (Ойстербей, Джамайка, Ньютаун, Саутхолд и др.), именно в этом районе колонии земельные сделки получили наибольшее распространение¹⁸. Особенно этому способствовало закрепление земли поселений, находившейся в распоряжении всей общины поселенцев и периодически между ними перераспределявшейся, в частную собственность отдельных колонистов в конце XVII в. (так, в Ньютауне в 1695 г., в Джамайке в 1712 г. прекратились разделы земли поселений)¹⁹. Ежемесячно в записях магистратов поселений фиксируется продажа участков, средняя величина которых 20—40 акров²⁰. Растет имущественное расслоение среди колонистов. В округе Квинз были безземельны-

¹⁵ *Nammack G. Fraud, Politics and Dispossession of the Indians. The Iroquois Land Frontier in the Colonial Period.* Norman, 1969. P. 10—13, 17, 20; *Chazanoff W. Land Speculation in 18th Century.* New York // *Business Enterprises in Early New York*/Ed. by J. Frese, J. Judd. Tarrytown, 1979. P. 55—74.

¹⁶ *The Iconography of Manhattan Island, 1498—1909*/Compl. by I. N. Phelps Stokes: In 4 vol. N. Y., 1967 (1st print.: 1922). Vol. 4. P. 320; *MacCracken H. Old Dutchess Forever! The Story of an American County.* N. Y., 1956. P. 45—46.

¹⁷ *Oyster Bay Town Records*/Ed. by J. Cox, Jr.: In 6 vol. N. Y., 1916. Vol. 1. P. 80—81, 89—90, 112—113, 130.

¹⁸ *Oyster Bay...* Vol. 1—2; *Peyer J. Jamaica, Long Island, 1656—1776: A Study of the Roots of American Urbanism.* Ph. D. dis./The City University of New York. N. Y., 1974. P. 190—200; *Kross E. J. The Evolution of an American Town: Newtown, New York, 1642—1775.* Philadelphia, 1983. P. 85—86.

¹⁹ *Kross E. J. Op. cit.* P. 63; *Peyer J. Op. cit.* P. 274.

²⁰ *Oyster Bay...* Vol. 1. P. 21—23.

ми уже 16% налогоплательщиков, к концу XVII в. 15% всех английских и 24% голландских поселенцев Лонг-Айленда не имели земли²¹. Среди землевладельцев поселений 6% колонистов с участками более 200 акров каждый владел почти половиной всех земельных угодий поселений, тогда как 85% поселенцев с участками менее 50 акров — чуть более четверти всей земли²².

По документам поселения Ойстербей явствует, что к началу 80-х годов XVII в. большинство земельных участков сосредоточивалось здесь у семейства Таунсендов. Представители этой семьи занимали все ключевые посты в управлении поселением: секретарь, землемер и т. п. Крупнейшая мельница поселения также принадлежала этой семье²³. 21 мая 1677 г. в Ойстербее было объявлено, что власть в поселении с этих пор принадлежит небольшой группе лиц (всего 35 человек) — фригольдерам Ойстербея. Остальные жители (около 200 человек) лишались прав на получение земли без согласия специального собрания этих фригольдеров, список которых возглавили все те же Таунсенды²⁴. По нашим подсчетам, не более 20% всех колонистов на берегах Гудзона и Лонг-Айленда (так называемые «обитатели», «основатели», или фригольдеры-старожилы, располагавшие имуществом стоимостью не менее 40 ф. ст.) решали в начале XVIII в. вопросы, связанные с распределением земли среди поселенцев.

Еще в период голландского владычества (в 1629 г.) делались попытки поощрения сельскохозяйственного развития колонии и ее заселения путем жалования больших земельных участков отдельным лицам — «патронам»²⁵. К 1664 г. из всех патронов только семейство Ван Ренсселеров сохранило в колонии за собой эти земли. Теми же целями руководствовались и английские власти, даровавшие в 70-е годы XVII в. феодальные права «владельцев маноров» тем, кто организовывал освоение и заселение пустующих земель в колонии. В ноябре 1671 г. губернатор Ф. Ловелас разрешил Джону Арчеру селить 16 семей колонистов на своей земле у реки Гарлем. Это место впоследствии получило название «манор Фордхэм». Правда, впервые в колонии термин «манор» появился несколько позже, в земельном патенте, выданном в октябре 1672 г. на земли Фоксхолл Томасу Чемберсу, мировому судье и капитану ополчения из Кингстона. В апреле 1673 г. Дж. Арчер получил права барона манора. Именно с этого времени хозяева колониальных маноров наделялись привилегиями феодальных владельцев своих земель, зависимых только от сю-

²¹ DHNY. Vol. 2. P. 441–541; *Ritchie R.* Op. cit. P. 131; *Kross E. J.* Op. cit. P. 91.

²² *Oyster Bay...* Vol. 1. P. 55, 68–69, 251–252, 691; *Peyer J.* Op. cit. P. 179.

²³ *Oyster Bay...* Vol. 1. P. 258, 264, 268.

²⁴ *Ibid.* P. 231, 233. В Джамайке подобное положение имели 24 фригольдера из 100 поселенцев. См.: *Peyer J.* Op. cit. P. 86–87, 169.

²⁵ *Narratives of New Netherland, 1609–1664*/Ed. by J. F. Jameson. N. Y., 1909. P. 90–96.

зерена, герцога Йоркского, верховного собственника всей земли колонии ²⁶.

После 1675 г. практика пожалования прав маноров прекратилась (хотя и в это время вплоть до 1683 г. земельных патентов было выдано на 20 тыс. акров!) ²⁷. При губернаторе Т. Донгане (1683—1688) эта практика возобновилась; было создано 7 новых маноров, площадь одного из них превышала 1 млн акров. Феодальные привилегии маноров (наличие независимого манориального суда, представительство хозяином манора всех живущих на его территории в административных и судебных органах колонии и др.) были ликвидированы «Актом об учреждении мировых судов», принятым колоннальной ассамблеей ²⁸ в ноябре 1683 г.

Несмотря на ликвидацию феодальных привилегий крупного землевладения, раздача земельных участков в качестве маноров продолжалась. Особо крупные пожалования земли имели место при тех губернаторах, чья администрация прославилась коррупцией и различными финансовыми злоупотреблениями: при Б. Флетчере (1692—1698) и Э. Корнберн (1702—1708). Только Флетчер пожаловал 6 маноров: семейству Ван Кортландтов — манор Ван Кортландт, Ф. Филипсу — Филипсбург (июнь 1693 г.), патент Сент-Джордж для члена совета полковника В. Смита (октябрь 1693 г.), патент Флетчер для капитана Дж. Эванса, капера-контрабандиста (сентябрь 1694 г.), манор Моррисанна для купца Л. Морриса (декабрь 1694 г.), патент Кингсфилд для члена совета Н. Беярда (декабрь 1695 г.) ²⁹.

Все эти пожалования осуществлялись прежде всего как плата за долги администрации, которая пользовалась деньгами того же Филипса и Кортландта для финансирования военных экспедиций, строительства и т. п. Земельные участки получали купцы, которые сотрудничали с губернатором и поддерживали его материально. Граф Белломонт, губернатор колонии в 1698—1701 гг., в одном из писем в Англию называл сумму в 4 тыс. ф. ст., которую получил Флетчер в виде откровенных взяток за земельные патенты. По его мнению, $\frac{3}{4}$ всех земельных угодий колонии находились в руках 10 или 11 человек. В начале XVIII в. у земельных магнатов сосредоточилось более 2,15 млн акров земли ³⁰.

Существование маноров негативно сказывалось на развитии колонии. Еще в 1680 г. голландец Дж. Данкертс, побывавший в Нью-Йорке, заметил: «Многие в колонии владеют землей, совсем ее не обрабатывая» ³¹. Через столетия К. Коулден отмечал то

²⁶ Kim S. B. *Landlord and Tenant in Colonial New York. Manorial Society, 1664—1775*. Chapel Hill, 1978. P. 15, 17.

²⁷ DHNY. Vol. 1, P. 90.

²⁸ CL. P. 125—128; Kim S. B. *Op. cit.* P. 31.

²⁹ Kim S. B. *Op. cit.* P. 67—69.

³⁰ DHNY. Albany, 1851. Vol. 3. P. 838; Mark J. *Agrarian Conflicts in Colonial New York, 1711—1775*. Port Washington, 1965 (1st print.: 1940). P. 21, 23, 25; Kim S. B. *Op. cit.* P. 78.

³¹ *Journal of Jasper Danckaerts, 1679—1680*/Ed. by B. James, J. F. Jameson. N. Y., 1913. P. 248.

же самое: «Много земли оказывается необработанной из-за больших земельных пожалований... и молодежь из-за отсутствия свободных земель вынуждена уходить в соседние колонии... все это приводит колонию к упадку... Следовательно, получившие земельные пожалования также виновны, как и губернатор... в лишениях колонистов... права на получение более доступных и удобных земель и в препятствии к заселению колонии, а это единственная цель земельных пожалований»³². Как видим, сосредоточение земли в руках небольшого числа хозяев маноров больно ударило прежде всего по новым иммигрантам из стран Европы, надеявшимся найти в колонии свободную землю. Новые поселенцы боролись с монополизацией земли в руках земельных магнатов; эта борьба выливалась в вооруженные выступления, начало которым положила попытка немецких колонистов в 1711 г. захватить пустующие земли в «долине Схохари»³³.

В период администрации губернатора Белломонта, несмотря на яростное противодействие местной земельной олигархии, 16 мая 1699 г. был одобрен ассамблеей «Акт об аннулировании чрезмерных земельных пожалований», ликвидировавший патенты на крупнейшие земельные владения периода Флетчера³⁴. Даже сторонники Белломонта отказывались поддерживать меры губернатора в борьбе с крупным землевладением в колонии. По настойчивой просьбе торгово-землевладельческой верхушки Нью-Йорка королевское правительство вынуждено было вмешаться и отменить крайние меры губернатора. И хотя формально в 1708 г. английская королева одобрила акт 1699 г. против маноров, в колонии он фактически потерял свою силу задолго до одобрения его королевой³⁵.

Поселенцы вынуждены были селиться в качестве арендаторов на землях хозяев маноров и выплачивать ренту за землю (в среднем от 4 до 9 п. за 1 акр ежегодно)³⁶. Феодальная форма маноров с самого начала использовалась их владельцами для капиталистической эксплуатации сотен арендаторов, не имевших своей земли (только во владении Филипсов число арендаторов земли с 1702 по 1745 г. выросло с 200 до 1100)³⁷. Существованием маноров в Нью-Йорке и объясняется тот факт, что наибольшее число фермеров-арендаторов в американских колониях Великобритании было именно в этой колонии (к 1776 г. — 6—7 тыс. человек)³⁸.

Хотя за границами маноров и оставались «свободные» земли, но их заселению мешали два обстоятельства: индейцы, исконное население этих земель, и дороговизна очистки нового участка и

³² DHNY. Vol. 1. P. 385.

³³ Ibid. Vol. 3. P. 644—669.

³⁴ CL. P. 412—417.

³⁵ The Iconography... Vol. 4. P. 461; Kammen M. Op. cit. P. 177.

³⁶ Kim S. B. Op. cit. P. 194.

³⁷ Kammen M. Op. cit. P. 174; Bonomi P. Op. cit. P. 195.

³⁸ Kim S. B. Op. cit. P. X.

создания своего фермерского хозяйства. Если в 1699 г. стоимость очистки 1 акра от леса составляла 4 ф. 10 шилл., то в 1740 г. стоимость очистки такого участка возросла до 50 ф. ст. Чтобы обзавестись хозяйством, семье фермера в конце XVIII в. нужно было иметь как минимум 50–60 ф. ст., а в середине XVIII в. 200–500 ф. ст.³⁹ Ни один из прибывших в колонию поселенцев за этот период не располагал такими средствами. Но даже если бы кто-то из них попытался скопить своим трудом деньги на обзаведение хозяйством, это вряд ли бы ему удалось. Средняя заработная плата равнялась тогда 3 шилл. в день, в месяц выходило около 80 шилл., или 4 ф. ст., а траты на пищу и одежду, составлявшие не менее 3 фт. ст. на человека в месяц, и налоги фактически поглощали этот заработок⁴⁰. Представим такого работника с семьей, и станет понятно, что лучшим вариантом для него было не скваттерство на пограничных землях, что требовало не только смелости, но и значительных средств, а аренда земли у крупного землевладельца.

Этим во многом и объясняется тот факт, что до середины XVIII в. случаи индивидуального скваттерства в документах колонии Нью-Йорк вообще не упоминаются. В колонии уже в начале XVIII в. аграрные отношения в целом имели буржуазный характер. К этому времени во всех поселениях установилась частная собственность колонистов на землю. Квит-рента в пользу короны, превратившаяся в земельный налог, собиралась редко и с большим трудом. В крупных землевладениях (манорах), феодальные привилегии которых были ликвидированы уже в 1683 г., использовался труд фермеров-арендаторов, формировавшихся не только из иммигрантов, но и из разорившихся местных поселенцев, среди которых усилилось имущественное расслоение. Но даже несмотря на наличие крупного землевладения и связанные с этим трудности в приобретении земли, условия для земледелия в колонии были несравненно лучше, чем в Англии. Все это стимулировало развитие колониального сельского хозяйства.

Достаточно высокий уровень колониальной торговли обеспечил уже на рубеже XVII–XVIII вв. вывоз сельскохозяйственной продукции Нью-Йорка не только в другие английские колонии в Америке, но и в Европу⁴¹. В 1705 г. губернатор лорд Корнберн писал в Англию: «Колония торгует в основном мукой, сухарями; посылаем эти товары в Вест-Индию взамен рома, сахара и патоки, какао и древесины. В Европу наши жители вывозят китовый жир и кость. Мы способны поставлять в Англию все виды товаров для морского флота: деготь, смолу, брезент, лен, мачты

³⁹ Ibid. P. 242, 251.

⁴⁰ Kross E. J. Op. cit. P. 133–134.

⁴¹ Подробнее о торговом капитале, росте колониального флота, о роли пиратства и контрабандной торговли в развитии колонии Нью-Йорк см.: Жук С. И. Пиратство: Источник первоначального накопления и форма социального протеста: (На примере колонии Нью-Йорк) // Американский ежегодник, 1986. М., 1986. С. 235–245.

и т. п.»⁴². В 1716 г. Жан Фонтэн, посетивший Нью-Йорк, отмечал, что «главный продукт провинции — говядина, мука, свинина, масло и сыр, которые они (ньюйоркцы.— С. Ж.) посылают в Вест-Индию и иногда в Лиссабон. Они ведут большую торговлю с северными индейцами шкурами и пушниной...»⁴³.

На рубеже XVII—XVIII вв. основной доход 600 из 983 домов столицы колонии полностью зависел от производства и торговли мукой и хлебными изделиями, тогда как в округах Квинз, Кингз и Ольстер, славившихся своей пшеницей, насчитывалось не более 50 хозяйств, занимавшихся выпечкой и торговлей хлебом⁴⁴. Таковы были последствия мукомольной монополии (с 1680 г.) города Нью-Йорка, ликвидированной только в 1694 г. в результате «восстания Лейслера»⁴⁵.

Рост экспорта хлеба, зерна сопровождался падением доли мехов и шкур во внешней торговле колонии. В 1686 г. из колонии вывозилось около 30 тыс. бобровых шкур, а в 1700 г. — в 2 раза меньше — 15 тыс. шкур. Тем не менее пушнина и в XVIII в. составляла 20% стоимости всех товаров, перевозимых по морю из Нью-Йорка. Колония на 36% удовлетворяла потребности Англии в мехах и пушнине. Даже накануне Семилетней войны Нью-Йорк давал 25% общего импорта пушнины в Англию. Но по сравнению с пшеницей доля пушнины во внешней торговле сократилась. Если во второй половине XVII в. меха и шкуры зверей составили $\frac{1}{3}$ экспорта колонии, то через 100 лет — только $\frac{1}{6}$ ⁴⁶. Главенствующей статьёй торговли Нью-Йорка вплоть до войны за независимость становится не пушнина, а хлеб. Этому способствовало улучшение культуры земледелия и повышение урожайности зерновых. Средний урожай в колонии, как описывают современники, был выше английских норм: 2 бушеля посеянной пшеницы обычно давали урожай в 20—40 бушелей⁴⁷. Вытеснение пушнины пшеницей в экспорте колонии можно рассматривать как показатель роста «товарного» зернового хозяйства, как проявление капиталистической тенденции в развитии экономики Нью-Йорка.

Развивается ремесленное производство колонии. Губернатор Р. Хантер (1710—1719) писал в Торговую палату: «Дороговизна и недоступность английских промышленных товаров заставляет колонистов изготавливать нужные им предметы, и английское правительство не в состоянии заставить их прекратить занятия ре-

⁴² DHNY. Vol. 1. P. 711—712.

⁴³ The Iconography... Vol. 4. P. 486.

⁴⁴ Minutes of the Common Council of the City of New York, 1675—1776 Ed. by H. Osgood; In 5 vol. N. Y., 1905. Vol. 2. P. 36—38.

⁴⁵ CL. P. 326—328; The Iconography... Vol. 4. P. 384.

⁴⁶ DHNY. Vol. 1. P. 706; History of the State New York/Ed. by A. Flick: In 10 vol. (1st print: 1933—1937). Port Washington, 1962. Vol. 2. P. 252; Norton Th. The Fur Trade in Colonial New York, 1686—1776. Madison, 1974. P. 100, 101, 102, 120, 199.

⁴⁷ History of the State... Vol. 2. P. 291—292.

мешком...»⁴⁸ Уже в 1707 г. официальные лица отмечали, что колонисты на $\frac{3}{4}$ обеспечивают себя необходимыми льняными и шерстяными изделиями, которые они изготавливают из собственного сырья⁴⁹. Возникают ремесленные мастерские из собственных мануфактур по производству шляп и меховых шапок; такие предприятия зарегистрированы в колонии уже с 1706 г.⁵⁰ В административном центре колонии были созданы мастерские, производившие шерстяные ткани, шляпы, кирпич, стекло, ремни, порох и оружие. Чтобы поддержать местных предпринимателей и оградить их от конкуренции, колониальные власти даровали монопольное право на производство той продукции, которую изготавливали самые значительные предприятия колонии. Так обстоит дело с пивоварнями, маслобойнями И. Лансера, И. Вандер Хеуля и И. Рузвельта, оружейной мастерской Г. Лаконта и шерстоткацкой мануфактурой Дж. Пармитера⁵¹.

Большое применение в колонии получили лесопилы, связанные непосредственно с производством древесины на экспорт. В 1701 г. по всей колонии насчитывалось 40 лесопил; только в одном маноре Ливингстона работало 12 пил, приводимых в движение силой воды⁵². Если в конце XVII в. в колонии только делались попытки создания первой мануфактуры для производства сахара, то к 30-м годам XVIII в. производство сахара стало массовым в портовых селениях колонии, куда привозили патоку из Вест-Индии⁵³. В 1728 г. в Нью-Йорке семейством Уолтона были основаны крупнейшие в колонии судостроительные верфи и док для ремонта кораблей⁵⁴. На территории манора Ливингстона к 50-м годам XVIII в. известно первое чугунолитейное предприятие в колонии, две небольшие «чугуноплавильни» существовали возле Олбании и Нью-Йорка⁵⁵.

По имеющимся документам трудно судить, были ли названные предприятия капиталистическими мануфактурами в марксистском понимании этого термина (т. е. предприятиями, характеризовавшимися разделением труда и ручной, ремесленной техникой). Вероятно, на этих предприятиях существовали элементы разделения труда. Многие из них основывались богатыми купцами в целях получения капиталистической прибыли. Хозяева этих предприятий — Ф. Филиппс, Р. Ливингстон, Н. Бэярд, И. Рузвельт и др. — не работали сами на своих «мануфактурах», а занимались торговлей колониальными товарами, в том числе и произведенными в принадлежащих им мастерских. Неизвестны

⁴⁸ DHNY. Vol. 1. P. 713–714.

⁴⁹ Ibid. P. 712–713; Tryon R. Household Manufactures in the United States. 1640–1860. Chicago, 1966 (1st print.: 1917). P. 89.

⁵⁰ Norton Th. Op. cit. P. 103.

⁵¹ CL. P. 339, 439–440, 752–753, 755–756; The Iconography... Vol. 4. P. 369.

⁵² Hunter L. A History of Industrial Power in the United States, 1780–1930. Charlottesville, 1979. Vol. 1. P. 1, 35; History of the State... Vol. 2. P. 253.

⁵³ DHNY. Vol. 1. P. 726; History of the State... Vol. 2. P. 368.

⁵⁴ Kammen M. Op. cit. P. 163.

⁵⁵ DHNY. Vol. 1. P. 730, 734; History of the State... Vol. 2. P. 277.

число и состав лиц, работавших на названных предприятиях. Только в 60-е годы XVIII в. появляется в пределах столицы колонии собственно мануфактура в чистом виде: ткацкая мастерская, финансируемая неким Уэллсом, на 14 ткацких станках которой наемные рабочие-поденщики изготавливали ткани из местного льноволокна⁵⁶.

Причину недостаточного развития мануфактурного производства в начале XVIII в. сами современники объясняли так: «Цена труда так велика в этой части света, что всегда оказывается главным препятствием для любой мануфактуры, основанной здесь, поэтому гений народа в стране, где каждый может получить землю... ведет их естественно в сельское хозяйство, что и мешает им заняться ремеслом...»⁵⁷. Да и меркантилистская политика метрополии с ее ограничениями не способствовала развитию мануфактур в колонии.

В начале XVIII в. Нью-Йорк среди других американских колоний выделялся особым размахом различных спекуляционных сделок, как правило связанных с землей. Если в XVII в. это были земельные участки, отторгнутые у индейцев, то в XVIII в. — это участки городской застройки. Разгорается спекуляционная лихорадка вокруг парома через Ист-Ривер, строительства городских сооружений на общественные средства⁵⁸. Одно из типичных средств наживы купечества Нью-Йорка — это спекуляция валютой, на что жаловались колониальные власти⁵⁹. Нехватка золотой монеты, денежные спекуляции, распространение фальшивых денег и иностранной валюты, тяжелые военные расходы — все это вынудило колониальную администрацию начать с 1709 г. эмиссию бумажных денег для колонии Нью-Йорк: в том же году было выпущено денежных знаков на 13 тыс. ф. ст., а в 1711 г. — на 10 тыс. ф. ст.⁶⁰

Финансовая политика правительства не облегчила положение колонистов, а, напротив, усилила денежную спекуляцию и ускорила инфляционные процессы на колониальном денежном рынке. Еще в 1696 г. современники отмечали, что в Нью-Йорке «стоимость денег в 3 раза меньше, чем в Англии»⁶¹. В колонии в 1700 г. за 100 английских ф. ст. отдавали 150, в 1708 г. — уже 155, а в 30-е годы XVIII в. — 170 ф. ст. в местной валюте⁶². Распространенным явлением для колониального Нью-Йорка в

⁵⁶ DHNY. Vol. 1. P. 733.

⁵⁷ Ibid. P. 734.

⁵⁸ Minutes... Vol. 2. P. 110, 128–129, 148, 250–251, 257, 330–334; The Iconography... Vol. 4. P. 454–455, 459.

⁵⁹ Money Circulating in New York Prior to 1704. A Report Submitted by C. Colden/Ed. by P. Hamlin // The New York Historical Society Quarterly. 1956. Vol. 40, N 4. P. 364–366.

⁶⁰ CL. P. 694–698, 737–740.

⁶¹ The Iconography... Vol. 4. P. 398.

⁶² Brock L. The Currency of American Colonies, 1700–1764. N. Y., 1975. (1st print.: 1941). P. 4–5, 8, 66. Newman E. The Early Paper Money of America. Racine, 1967. P. 8, 197–200; Sylla R. Monetary Innovation in America // The Journal of Economic History. 1982. Vol. 42, N 1. P. 25.

это время стало ростовщичество; для различных торговых сделок, обмена денег была создана биржа⁶³, которую ежедневно посещали приказчики нью-йоркских купцов. Все эти факты свидетельствуют о достаточно высоком уровне развития товарно-денежных отношений в колонии, что является неперемнным условием становления капитализма.

Взаимовлияние, своеобразное сочетание феодальных форм и буржуазного содержания характерны и для развития социальных процессов в колонии. В первые годы существования английской колонии Нью-Йорк в связи с нехваткой свободной рабочей силы практиковалось принудительное привлечение к общественным работам с произвольной оплатой за труд всех свободных работников в колонии⁶⁴. Опыт других американских колоний способствовал распространению в Нью-Йорке труда белых кабальных слуг (сервентов) и пожизненных рабов (индейцев, а чаще всего негров), компенсировавших в какой-то мере дороговизну свободного труда.

В американских колониях Англии система белого кабального рабства (сервитуда) исторически предшествовала рабству негров (к примеру, в Новых Нидерландах, как и в Виргинии, негры находились в положении английских сервентов)⁶⁵. Одни исследователи представляли систему сервитуда совершенно новым, чисто американским социальным феноменом⁶⁶, другие — особой формой средневекового института ученичества (apprenticeship)⁶⁷. Современный американский ученый Д. Галенсон рассматривает институт сервитуда как распространение в американских колониях английской (переходной от феодальной к капиталистической) системы эксплуатации труда в земледелии: «Сервенты в Америке были не разновидностью английских ремесленных подмастерьев (apprentices), а скорее людьми, чей статус соответствовал положению английских слуг в сельском хозяйстве»⁶⁸.

Изучение документов города Нью-Йорка и поселений Лонг-Айленда подтверждает выводы Галенсона. Законодательно институт сервитуда вводится в колонии в 1665 г. «законами герцога» (хотя законтрактованные слуги существовали уже в Новых Ни-

⁶³ The Iconography... Vol. 4. P. 486.

⁶⁴ CL. P. 38.

⁶⁵ *McManus E.* A History of Negro Slavery in New York. Syracuse, 1966. P. 12–14.

⁶⁶ *Jernegan M.* Laboring and Dependent Classes in Colonial America, 1607–1783. N. Y., 1960 (1st print.: 1931). P. 46–47.

⁶⁷ *Smith A. E.* Colonists in Bondage. White Servitude and Convict Labor in America, 1607–1776. Chapel Hill, 1947. P. 8; *Hofstadter R.* America at 1750. A Social Portrait. N. Y., 1971. P. 49; *Henretta J.* The Evolution of American Society, 1700–1815. An Interdisciplinary Analysis. Lexington, 1973. P. 95.

⁶⁸ *Galenson D.* White Servitude in Colonial America. An Economic Analysis. Cambridge (Mass.), 1981. P. 6; *Idem.* The Rise and Fall of Indentured Servitude in the Americas // The Journal of Economic History. 1984. Vol. 44. N 1. P. 24–25.

дергандах). При составлении этих законов использовалась практика новоанглийских колоний и Виргинии. В статье «Договорное рабство» определялся статус сервента, отличный от положения пожизненного раба: «Ни один христианин не должен содержать-ся в рабстве, кроме как по решению официальных властей... или тех, кто по своему желанию... продает... себя в неволю: в этом случае договор о работе должен быть заключен в суде... при свидетелях». Сервент «должен работать... там, где потребуется, целый день... а хозяева должны предоставить ему удобное время для приема пищи и отдыха». Хозяевам рекомендовалось по истечении 5—7 лет освобождать сервентов за добросовестный труд и честность «не с пустыми руками». «Ленивых и недобросовестных» разрешалось освобождать от контракта на работу лишь тогда, когда они «возместят своим трудом свою лень». Данную статью из-за ее неопределенного содержания хозяин сервента мог трактовать как угодно в зависимости от того, что он вкладывал в понятия «добросовестный труд» и «леность».

Сервентам запрещалось торговать. За неповиновение сервента наказывали розгами. В случае поимки беглого сервента его бичевали, а к сроку контракта прибавлялось удвоенное время его отсутствия⁶⁹. Здесь же упоминалось о том, что в результате зверских побоев гибли сервенты на Лонг-Айленде, а «открытие тайных захоронений трупов убитых сервентов наделало много шума»⁷⁰. Поэтому категорически запрещалось жестокое обращение с кабальными слугами.

В апреле 1680 г. был принят даже специальный «Акт, регулирующий положение сервентов, пребывающих в Нью-Йорке»⁷¹. Руководство колонии надеялось, что названный акт, гарантируя благоприятные условия для труда сервентов, будет способствовать привлечению в колонию дешевой рабочей силы из Англии. Но данные документов свидетельствуют как раз об обратном. Согласно спискам жителей из английских графств — эмигрантов, отправлявшихся в Америку в качестве кабальных слуг, — ни один из этих эмигрантов-сервентов не направлялся в Нью-Йорк. Почти все они были перевезены на плантации южных колоний (Виргинию, Мэриленд, Барбадос, Ямайку, Невис)⁷². Сведения о сервентах, привезенных в Нью-Йорк, позволяют сделать вывод о том, что основная масса кабальных слуг колонии формировалась из переселенцев других английских колоний (только 1% — из Лондона, 19 — из Ольстера, 13% — из Южной Ирландии) и из

⁶⁹ CL. P. 18, 26, 36, 48.

⁷⁰ Ibid. P. 19.

⁷¹ Minutes... Vol. 1. P. 79—80.

⁷² Some Early Emigrants to America/Abstracted by C. Nicholson. Baltimore, 1965. P. 4—97, 98—100; Bonded Passengers to America/Ed. by P. Coldham: In 2 vol. Baltimore, 1983. Vol. 1. P. 173—175, 227, 228; Directory of Scots Banished to the American Plantations, 1650—1775/Ed. by D. Dobson. Baltimore, 1984.

Таблица 1

Соотношение негритянского населения Нью-Йорка, Виргинии и всех североамериканских колоний Великобритании (в %)

Год	Доля негров в населении			Доля негров Нью-Йорка среди негритянского населения Северной Америки	Доля поселенцев Нью-Йорка в населении всех колоний
	всех колоний	Виргинии	Нью-Йорка		
1660	4	3	12	20	
1670	4	6	12	16	6
1680	4	7	12	17	5
1690	8	18	12	10	5
1700	9	20	10	6	7
1710	14	29	14	6	8
					6

Подсчет произведен на основании данных: The Statistical History of the United States. From Colonial Times to the Present/With an Introd. and User's Guide by B. Wattenberg. N.Y., 1976. P. 1160.

самых колонистов Нью-Йорка, а не из английских иммигрантов, как это имело место в южных колониях ⁷³.

Кабальное рабство, несмотря на самую феодальную форму прикрепления работника к хозяину, приобретает капиталистический характер. Белые сервенты, труд которых в Нью-Йорке в отличие от негров используется в основном в земледелии, превращаются в батраков, сельскохозяйственных рабочих, работающих на хозяина земли за определенную плату ⁷⁴. Белое кабальное рабство вплоть до конца XVII в. являлось основным средством найма рабочей силы для крупного землевладения колонии. В первой половине XVIII в. практика найма на работу, сложившаяся к тому времени, постепенно нивелировала различия между сервентом и свободным работником, так как и последний мог наниматься на работу на условиях сервента. В этом был заинтересован как работодатель, который обеспечивался при этом постоянной рабочей силой, так и сам работник, который получал гарантированную заработную плату, жилье, одежду и пищу. Этим и объясняется то, что термин «сервент» в документах исчезает, хотя контракты на работу в них остаются.

В колонии Нью-Йорк раньше, чем, к примеру, в Виргинии, труд сервентов стал вытесняться трудом негров-рабов и свободных работников. Уже в 80-е годы XVII в. в отдельных местностях рабов было больше, чем сервентов (к примеру, в 1689 г.

⁷³ Dunn R. Servants and Slaves: The Recruitment and Employment of Labor // Colonial British America. Essays in the New History of Early Modern Era/ Ed. by J. Greene, J. Pole. Baltimore, 1984. P. 170.

⁷⁴ Так, для Нью-Йорка и Лонг-Айленда средняя ежегодная оплата сервента за труд составила 40 ф. ст. См.: Minutes... Vol. 1. P. 81-82.

в Ньютауне, в округе Квинз, работали 49 рабов и всего лишь 31 сервент). Это объяснялось тем, что Нью-Йорк, принадлежавший Якову Стюарту, одному из руководителей Королевской африканской компании, занимавшейся работорговлей, становится центром торговли неграми-рабами для всех английских колоний в Северной Америке. В 60—80-е годы XVII в. в этих колониях на долю негров приходилось 4%, а в Виргинии — 3—6% всего населения, тогда как в колонии Нью-Йорк эта цифра составила 12%; 17—20% всего негритянского населения колоний в этот период приходится на Нью-Йорк! (табл. 1).

Тем не менее к началу XVIII в. большинство населения колонии составляли не сервенты и рабы, а лично свободные работники (многие из них — бывшие сервенты) — фермеры и ремесленники, располагающие собственностью («механики»). В поселениях Лонг-Айленда более 60% всех жителей были фермерами, 20% занимались торговлей, 18% — ремеслом⁷⁵. В 1695 г. из 446 налогоплательщиков столицы колонии, род занятий которых удалось установить, ремесленники составили 43%, моряки — 15%, купцы — 27%, королевские чиновники и лица умственного труда (юристы, врачи, учителя, служители культа) — 10%⁷⁶. По подсчетам Б. Уилкенфельда, в 1701 г. 74% населения города Нью-Йорк составили ремесленники и лица наемного труда, 16% — купцы⁷⁷.

Купеческая верхушка столицы колонии к этому времени сосредоточила в своих руках не только большие средства, но и всю власть⁷⁸ (табл. 2).

Данные табл. 2 позволяют представить процесс имущественной дифференциации среди жителей столицы: на рубеже XVII—XVIII вв. 5% налогоплательщиков (купеческая верхушка), имущество которых оценивалось в сумму свыше 100 ф. ст., владели 32% всего городского богатства, тогда как малоимущие горожане (30%), собственность которых не превышала 24 ф. ст., располагали примерно 4% облагаемого налогами имущества, а подавляющая часть горожан (90%) — всего 55%. Через городской совет Нью-Йорка эта верхушка контролировала и регулировала в своих интересах распределение и эксплуатацию труда «механиков». При этом использовались и элементы цехового строя: создавались различные ремесленные объединения, число членов которых устанавливал магистрат. С 1676 г. вводились ограничения на ремесла и торговлю — в столице ими могли заниматься только фримены.

⁷⁵ Peyer J. Op. cit. P. 125, 145, 174, 316.

⁷⁶ DHNY. Vol. 1. P. 313—318, 611—624; Goodfriend J. «Too Great a Mixture of Nations»: The Development of New York City Society in the Seventeenth Century: Ph. D. dis./University of California. Los Angeles, 1975. P. 38—39, 146—147.

⁷⁷ Wilkenfeld B. The Social and Economic Structure of the City of New York. 1695—1796: Ph. D. dis./Columbia University. N. Y., 1973. P. 28, 87.

⁷⁸ Жук С. И. Пиратство... С. 244; Он же. Социальные противоречия в колонии Нью-Йорк (1664—1712 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. С. 16.

Таблица 2

Имущественное расслоение среди налогоплательщиков Нью-Йорка (в %)

Категории налогоплательщиков по размерам облагаемого налогами имущества	Стоимость имущества, сосредоточенного у налогоплательщиков разных категорий	
	1695 г.	1730 г.
0-30 (от 0 до 24 ф. ст.)	3,6	6,2
31-60 (от 24 до 50 ф. ст.)	12,3	13,7
61-90 (от 50 до 74 ф. ст.)	38,9	36,5
91-95 (от 75 до 100 ф. ст.)	13,2	14,2
96-100 (свыше 100 ф. ст.)	32	29,4

Источники: PHNY, Vol. 1, P. 689-693; Goodfriend J. Op. cit. P. 40, 165, 159, Nash G. Op. cit. P. 395, 403, 407.

купившие это право (на рубеже XVII-XVIII вв. фрименом мог стать любой человек, родившийся в Нью-Йорке)⁷⁹.

В начале XVIII в. только 582 из 5 тыс. жителей города Нью-Йорка имели право свободно заниматься своим ремеслом. Эти фримены представляли 80 различных занятий и ремесел, среди которых большинство составляли 63 купца, 51 кожевник, 50 моряков, 46 плотников, 33 хлебопека (442 ремесленника представляли более чем 70 профессий)⁸⁰. Наряду с ремесленниками растет число «работников» (laborers). «Работники» редко получали права фримена. Как правило, это были поденщики, лица без собственности и определенной квалификации, которые вынуждены были наниматься на любую работу, чтобы не умереть с голоду⁸¹.

В городских центрах колонии преобладали, без сомнения, ремесленники. Работников по найму даже в конце XVIII в. было гораздо меньше, чем «механиков». Категория последних была неоднородной, уже в первые годы XVIII в. среди этой группы нью-йоркских ремесленников усилилось имущественное расслоение и зачастую грань между бывшим «механиком» и «работником» стиралась. Так, среди извозчиков Нью-Йорка в первой половине XVIII в. это расслоение привело к тому, что только треть из них стала преуспевающими фригольдерами, располагающими опреде-

⁷⁹ Точку зрения Р. Морриса и Г. Нэша об утрате значения института фрименов для колониального Нью-Йорка XVIII в. опровергает исследование Г. Ходжеса, доказавшего на примере положения извозчиков, что статус фрименов не только не исчез в XVIII в., а по-прежнему являлся желанной целью всего пришедшего населения столицы колонии. См.: Morris R. Government and Labor in Early America, Boston, 1981, P. 149; Nash G. The Urban Crucible, Social Change, Political Consciousness, and the Origins of the American Revolution, Cambridge (Mass.), 1979, P. 29, 425, note 9; Hodges G. The Cartmen of New York City, 1667-1801: Ph. D. diss. New York University, N. Y., 1982, P. 44, 134-135.

⁸⁰ McKee S. Labor in Colonial New York, 1664-1776. N. Y., 1935, P. 30-31.

⁸¹ Kross E. J. Op. cit. P. 154.

ленной собственностью, остальные перешли в разряд «работников»⁸². Недовольные жестоким контролем за своей деятельностью со стороны магистрата Нью-Йорка, «механики» и «работники» прибегали к различным формам протеста: отказывались выполнять низкооплачиваемую работу, уходили из города, создавали новые профессиональные объединения. Случаи таких «стачек» «механиков» в Нью-Йорке по документам прослеживаются начиная с 1667 г. почти ежегодно⁸³.

Характерным проявлением буржуазной тенденции социально-экономического развития колонии было использование на общественных работах, судоверфях, в крупных ремесленных мастерских и на мануфактурах труда «работников без собственности». В 1703 г. из 915 человек, используемых как рабочая сила в столице колонии, 578 (66%) являлись работниками без имущества, 235 (23%) — слугами (в том числе и законтрактованными) и ремесленниками, 102 (11%) — неграми-рабами⁸⁴. Большинство наемных рабочих были заняты не на мануфактурах, а на общественных работах, организованных магистратом Нью-Йорка и субсидируемых из средств городского совета. Весной — летом 1706 г. для ремонтных работ в форте, на улицах и в здании магистрата Нью-Йорка городской совет нанимал от 200 до 400 человек⁸⁵. По нашим подсчетам, сезонные наемные рабочие составили в это время 20—40% белого мужского трудоспособного населения столицы колоний⁸⁶.

Высокий уровень товарно-денежных отношений, возникновение товарного зернового хозяйства, ориентированного на рынок, распространение капиталистической аренды земли, накопление купеческого капитала; организация крупных мастерских и немногих мануфактур, финансируемых местными купцами; имущественное расслоение среди колонистов; рост числа наемных работников без собственности, которых в столице колонии уже в начале XVIII в. было больше, чем ремесленников и рабов, — все это свидетельствует о становлении и дальнейшем упрочении буржуазных отношений в социально-экономическом развитии колонии Нью-Йорк.

Это развитие на рубеже XVII—XVIII вв. определялось борьбой буржуазной тенденции частного предпринимательства в деятельности колонистов с различными ограничениями дальнейшего углубления этой тенденции. В некоторых случаях эти ограничения имели феодальную форму (квит-рента, манориальная

⁸² *Hodges G.* Op. cit. P. 65—66.

⁸³ *Ibid.* P. 31—32; *Minutes...* Vol. 1. P. 64—65, 147—148; *Morris R.* Criminal Conspiracy and Early Labor Combinations in New York // *Political Science Quarterly.* 1937. Vol. 52, N 1. P. 51—85.

⁸⁴ *Nash G.* Op. cit. P. 108.

⁸⁵ *The Iconography...* Vol. 4. P. 455, 456.

⁸⁶ *DIINY.* Vol. 1. P. 689, 691.

система, кабальное рабство, элементы цехового и корпоративного строя). В большинстве своем феодальная форма этих ограничений использовалась торгово-землевладельческой верхушкой колониального общества для получения капиталистической прибыли (аренда земли; наем рабочей силы и ее использование; торговые монополии).

Колонисты сопротивлялись любым ограничениям своей частнопредпринимательской деятельности, что неоднократно приводило к обострению классовой борьбы в колонии, наиболее ярким примером которой является восстание 1689—1691 гг., вылившееся в широкое социальное движение, охватившее всю колонию Нью-Йорк.